

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.28

DOI: 10.17223/1998863X/63/15

М.Ю. Бизина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «РАДИКАЛИЗМ» С ПРАВОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Сравнительный анализ понятия «радикализм» указывает на глобальную тенденцию общества трактовать этот термин в таком же негативном ключе, как экстремизм и терроризм. Правовые акты Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии не криминализируют радикализм, однако органы власти, общество и органы правопорядка совместными усилиями проводят стратегию дерадикализации с использованием сети Интернет. Такой цифровой подход обуславливается новой цифровой реальностью, в которой существует современная молодежь.

Ключевые слова: радикализм, радикализация, экстремизм, молодежь, цифровая реальность, Российская Федерация, Канада, Франция, Малайзия

Радикальные идеи и движения в общественно-политическом пространстве существовали с незапамятных времен, однако за последние двадцать пять лет с приходом в жизнь человека современных информационных технологий, а также с усилением экономического неравенства на планете термин «радикализм» стал заметнее в новостных лентах. Усложняет ситуацию повсеместное увлечение молодежью цифровой реальностью при отсутствии жизненного опыта и критического мышления, что делает ее легкоуязвимой перед натиском искаженного радикального информационного потока, усиливающегося в эхо-камере сети Интернет.

Сравнительный анализ понятия «радикализм» в Российской Федерации, Канаде, Франции и Малайзии, проведенный автором статьи, указывает на сходство подходов правовых систем этих государств к решению назревающей проблемы молодежного радикализма и в то же время на различие ее восприятия обществом.

Радикализм рассматривается с точки зрения его взаимодействия с экстремизмом и терроризмом. Исследователи уделяют внимание актуальной проблеме поиска научных определений для радикализма, экстремизма и терроризма, которые могли бы быть приняты как международным сообществом, так и отдельными странами. Для анализа и обсуждения берутся исторические истоки терминов, а также развитие таких понятий, как политический экстремизм [1. Р. 7], радикализм, ведущий к насильственному экстремизму, и его отличие от исторического понятия радикализма [2. Р. 76]. В частности, исследование, проведенное А. Бёттихер в Германии, заостряет внимание научного сообщества на том факте, что термины «радикализм» и «экстремизм»

часто используются неправильно. Радикализм появился в словарях раньше, чем экстремизм, и в 1790-х гг. начал означать тип политического поведения [2. Р. 74]. Исторически радикализм относился к либеральным, продемократическим идеям эмансипации и свободы от монархизма; был ближе к прогрессивному реформизму, нежели чем к утопичному экстремизму, чье увлечение массовым насилием радикалы отрицали. Таким образом, согласно Бёттихер, радикализм мог быть описан как политическая доктрина, применяемая общественно-политическими движениями, борющимися за индивидуальную и коллективную свободу [Ibid. С. 75].

В начале XX в., согласно исследованию А.А. Галкина, крайне правый радикализм проявил себя в Европе, будучи одной из форм революционаристского консерватизма, направленного на разрушение общества во имя первичных и исконных ценностей [3. С. 15]. Популяризация радикализма в обществе произошла вследствие неспособности традиционного консерватизма измениться с приходом технологических и общественных перемен и со временем привела к экстремистским явлениям. В то же время экстремизм, по Бёттихер, под политикой понимал борьбу за превосходство, а не мирную конкуренцию партий, был не толерантен и бескомпромиссен, истреблял многосторонность и прославлял насилие как инструмент разрешения конфликтов [2. Р. 74]. Основной проблемой для исследователя явился тот факт, что связь между радикализмом и экстремизмом была гораздо слабее, чем связь между экстремизмом и терроризмом, но в настоящее время радикализация видится обществу как путь к терроризму, и эта тенденция опасна, ибо может толкать продемократических радикалов в объятия антидемократических экстремистов [Ibid. Р. 76].

В свою очередь, взаимоотношения между радикализмом и радикализацией были рассмотрены исследователями как обоюдонаправленные. В частности, Д.И. Аполосов предложил рассматривать не только влияние идеологической установки (радикализма) на процесс ее реализации (радикализацию), но и влияние радикализации на формирование идеологии радикализма [4. С. 18]. Такие исследователи, как Т. Стивенс, П. Нейман и А.Ю. Карпова, определяют радикализацию как переход от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям и предлагают четко разграничивать радикализацию мнений и радикализацию действий [5, 6]. Для них процесс радикализации не является линейным, он зависит от внешних и внутренних факторов и включает в себя несколько составляющих: повод для недовольства, идеологию и мобилизацию [6. С. 75]. Радикализация рассматривается учеными в социальном контексте, и, например, Р. Борум полагает, что она является набором различных процессов, для изучения которых можно использовать такие теории, как теория социального движения, теория конверсии, и социальную психологию с фокусировкой на внутригрупповом конфликте и динамике [7. Р. 15]. В то же время для изучения процесса радикализации в сетевых сообществах наиболее перспективным исследователи считают междисциплинарный подход [8. С. 177], поскольку он дает возможность создания высокоточных программных алгоритмов, основываясь на интеграции знаний социологов, лингвистов и психологов. Междисциплинарный анализ уже использовался при изучении онлайн-взаимодействия политически активных акторов и, как показало исследование Г.В. Градосель-

ской [9. С. 44], наглядно продемонстрировал отсутствие диалога и возможности поиска общих базовых позиций. Такое состояние среды общения лишь усиливает возможность деструктивного использования радикальных идей для радикальных действий в сетевых сообществах, где проводит большую часть своего времени современная молодежь.

Данное исследование, опираясь на две теоретико-методологические работы (докторскую диссертацию и аналитическую записку) Бёттихер [2, 10], а именно метод концепт-анализа при изучении эволюции терминов «радикализм» и «экстремизм» в немецком языке, использует компаративный подход для анализа и синтеза определений радикализма в Российской Федерации и странах дальнего зарубежья. Изначально нами были исследованы русский, канадский, французский и малазийский толковые словари для сравнения определений радикализма. Далее были исследованы уголовно-процессуальные кодексы Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии на предмет существования правового определения термина «радикализм» и наличия уголовной или административной ответственности за участие в процессе радикализации. Автором были выполнены поиски по ключевым словам и их вариациям (радикал и радикализм) на государственных языках рассматриваемых стран в текстах законов и актов на официальных вебсайтах министерств юстиции Российской Федерации, Канады и Франции и на сайте антикоррупционной комиссии Малайзии. Кроме этого, были исследованы определения радикализма, встречающиеся на сайтах организаций, занимающихся борьбой с радикализацией молодежи в вышеуказанных странах.

Было определено, что термин «радикализм» в толковых словарях четырех рассматриваемых стран имеет схожее описание и отсутствует в уголовно-процессуальных кодексах. При этом производный термин «радикализация» (процесс вовлечения в радикализм) присутствует в правовых актах вышеуказанных стран как сопутствующий при описании террористических актов или насильственного экстремизма, но не имеющий собственной статьи или уголовного / административного наказания. Наиболее заметна была разница в определениях производного термина «радикализация» на общественно доступных сайтах организаций, занимающихся дерадикализацией молодежи в вышеупомянутых странах. В Российской Федерации термин «радикализация» имел наименее негативное описание. В Канаде акцент делался на различии между радикализацией как таковой и радикализацией, ведущей к насилию. Во Франции в описании термина «радикализация» изначально указывались использование насилия и прямая связь с экстремизмом, в то время как в Малайзии выдвигалась лишь возможность последующего экстремизма и терроризма радикализированными гражданами. Таблица иллюстрирует матрицу сходства и различий трактовок термина «радикализм» в четырех исследуемых странах.

Правовые акты Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии не имеют определений понятия «радикализм» [11–14], ибо сам по себе радикализм не является уголовно наказуемым преступлением на их территориях. Согласно ОБСЕ, «радикализация не представляет собой угрозу обществу, если она не связана с насилием или другими противозаконными действиями (такими, как, например, разжигание ненависти), определенными в законода-

тельстве в соответствии с международными стандартами в области прав человека» [15. С. 41].

Описание термина «радикализм»

Источник	Страна			
	Российская Федерация	Канада	Франция	Малайзия
Толковый словарь	Использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий	Пропаганда фундаментальных (политических) перемен	Непримиримость и жесткость группы и ее действий, в частности, в политических или социальных вопросах	Радикальная идеология в политике, или идеология, которая желает совершить резкие перемены в политике или общественной жизни
Уголовные кодексы и акты	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Организации по борьбе с радикализацией	Приверженность социально-политическим идеям, а также философским и религиозным течениям, предлагающим решительное изменение актуальных социальных, политических институтов и мировоззренческих норм путем разрыва с существующей традицией	Приверженность человека или группы крайним позициям или идеологиям, которые противостоят существующему положению вещей и бросают вызов основным идеям	Приверженность человека или группы насильственной форме действия, напрямую связанной с экстремистской идеологией, с политическим, общественным или религиозным содержанием, которая бросает вызов существующему порядку на политическом, общественном или культурном уровне	Приверженность человека или группы к такому образу мышления, который при подходящих обстоятельствах может увеличить риск их участия в насильственном экстремизме или терроризме

Русский современный словарь иностранных слов описывает радикализм как «политическое движение, сторонники которого подвергают критике существующую систему и настаивают на необходимости радикальных преобразований и реформ; [или] использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действий» [16. С. 506]. Ему вторит канадский словарь Коллинз, дающий следующее определение термину «радикализм» – существительное, образованное от «радикал» – человек, пропагандирующий фундаментальные (политические) перемены [17. С. 491]. Французский словарь Ларусс использует для описания радикализма исходный глагол «радикализировать», который означает «сделать группу и ее действия непримиримыми, жесткими, в частности, в политических или социальных вопросах» [18]. В малазийском же языке слово «радикализм» обозначает радикальную идеологию в политике, или идеологию, которая желает совершить резкие перемены в политике или общественной жизни [19].

Все вышеуказанные определения не используют в своей лингвистической конструкции слова, связанные с насилием, поэтому радикализм не встречается в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации, Канады, Франции и Малайзии. Однако в связи со все возрастающим количеством молодых людей, переходящих из рядов радикализированной молодежи в ряды экстремистов и террористов, поощряющих использование насилия для достижения своих радикальных целей, органы власти вышеупомянутых

стран, общественные организации и органы правопорядка были вынуждены найти альтернативные пути борьбы с радикализацией.

В Российской Федерации уже восемь лет работает Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет [20], а в Санкт-Петербурге с 1995 г. работает городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «Контакт». В методическом пособии «Контакта» радикализм описывается как приверженность социально-политическим идеям, а также философским и религиозным течениям, предлагающим решительное изменение актуальных социальных, политических институтов и мировоззренческих норм путем разрыва с существующей традицией [21. С. 19].

В Канаде также существуют два центра дерадикализации молодежи: программа «Перенаправление» в Калгари, и «Центр предотвращения радикализации, ведущей к насилию» в Монреале. Их веб-сайты описывают радикализацию так же, подобно сайту Министерства безопасности Канады, как процесс, с помощью которого человек или группа людей постепенно занимают крайние позиции, или идеологии, которые противоречат существующему положению вещей и бросают вызов основным идеям [22, 23]. Однако в то же время эти организации говорят и о другом термине – «радикализации, ведущей к насилию». Это процесс, с помощью которого отдельные лица и группы принимают экстремистские системы убеждений, включая готовность использовать или поощрять насилие с целью продвижения идеологии, политического проекта или идеи как средство социальных преобразований [24]. Здесь описывается слияние идеологии и насильственных действий.

Канадским организациям было важно различать насильственную и ненасильственную радикализацию. По их мнению, люди, твердо придерживающиеся своих убеждений, могут занимать радикальные позиции, которые не противоречат демократическим нормам и ценностям и, соответственно, такая радикализация не будет считаться в Канаде насильственной. Кроме того, ненасильственные радикалы, согласно канадским центрам дерадикализации, могут играть положительную роль в обществе и в политическом контексте, если обратить внимание на такие исторические личности, как Мартин Лютер Кинг, Ганди и Нельсон Мандела [24].

Необходимо заметить, что во Франции ситуация с общественным мнением и как следствие с терминологией обстоит иначе. Здесь в 2020 г. был создан, а в 2021 г. утвержден дополнительный правовой акт № 4078, «закон Пати» [25], описывающий и осуждающий подстрекательство к использованию насилия для достижения радикальных целей. На территории республики существовали две программы дерадикализации в пенитенциарной системе RIVE и PAIRS (одна из них до сих пор работает). Согласно исследованию М. Хекера, дерадикализация во Франции имеет плохую репутацию [26. Р. 5], и эти программы проводили свою работу с радикализированной молодежью за закрытыми дверями, так как во Франции радикализацию видят как дополнительную концепцию терроризма. На официальном веб-сайте по противодействию «джихадизму» радикализация описывается как процесс, при котором человек или группа принимают насильственную форму действия, напрямую связанную с экстремистской идеологией, с политическим, общественным или религиозным содержанием, которая бросает вызов существу-

ющему порядку на политическом, общественном или культурном уровне [27].

В свою очередь, Малайзия, столкнувшись в 2013 г. с проблемой воинов «Исламского государства» (организация запрещена в Российской Федерации), разработала стратегию дерадикализации – сотрудничество правительства, общественных организаций и частных лиц для препятствия экстремистским и радикальным актам [28. Р. 2] включая два центра, целью которых является распространение контрнарратива идеологии ИГ в сети Интернет [29. Р. 9]. При разработке программы дерадикализации Хамиди, министр внутренних дел Малайзии в 2016 г., определил радикализацию как процесс, в ходе которого человек или группа приходят к такому образу мышления, который при подходящих обстоятельствах может увеличить риск их участия в насильственном экстремизме или терроризме [28. Р. 10].

Таким образом, из компаративного анализа становится видно, что даже если правовые нормы в четырех рассмотренных странах едины в отсутствие уголовной или административной ответственности за радикализм, общественное мнение имеет некоторую разницу в оценке негативного подтекста радикализма. Вероятное объяснение этого феномена может заключаться в различающемся опыте резонансных столкновений с последствиями радикализации молодежи. Например, Франция с 2015 г. пережила несколько крупных терактов, совершенных радикализированными индивидуумами (атака на журнал Шарли Эбдо, концертный зал Батаклан, стадион Стад де Франс, убийство Самюэля Пати), которые получили широкую мировую огласку. Результатом стала разработка закона № 4078, описанного выше.

Несмотря на разницу в оценке степени негативного воздействия радикализма, во всех четырех странах произошла смена парадигмы в общественном сознании граждан. Радикализм, ранее рассматриваемый в той же плоскости, как и анархизм, теперь расположен по нравственной шкале ближе к экстремизму и терроризму. Бесспорным способствующим фактором такой перемены явилась новая цифровая реальность. Новости, а также слухи и мнения, формирующие общественное сознание, разлетаются по земному шару в разы быстрее, чем до повсеместного использования сети Интернет, смартфонов и социальных медиа. Печатные издания, телевидение и радио потеряли привлекательность для молодежи, которая предпочитает получать информацию в режиме бесконечного потока новостной ленты на экране телефона. Тот факт, что пространство сети Интернет развивается быстрее, чем законодательная база, не остается незамеченным для пропагандистов насильственного экстремизма и терроризма. Молодые люди в такой ситуации легко становятся жертвами убедительных речей и постановочных видеороликов, принимая радикальные идеи и насильственные пути их выполнения, что все чаще заставляет общество порицательно относиться к радикализму.

Литература

1. *Midlarsky M.* Origins of Political Extremism Mass Violence in the Twentieth Century and Beyond. New York : Cambridge University Press, 2012. 430 p.
2. *Bötticher A.* Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // Perspectives on Terrorism. 2017. Vol. 11, № 4. P. 73–77.
3. *Галкин А.А.* Фашизм как общественный недуг // Бергиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4/23. С. 11–21.

4. Аполосов Д.И. Радикализация как социально-политическое явление // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 3/23. С. 16–21.
5. Stevens T., Neuman P. Countering Online Radicalisation: A Strategy for Action. London : International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 2009. 58 p.
6. Картова А.Ю. Механизмы индивидуальной радикализации в процессе самоорганизации молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М. : Экон-Информ, 2019. С. 69–81.
7. Borum R. Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36.
8. Картова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159–181.
9. Градовская Г.В. Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. № 26. С. 44–57.
10. Böttcher A. Radikalismus und Extremismus: Konzeptualisierung und Differenzierung zweiumstrittener Begriffe in der deutschen Diskussion: thesis of Doctor of Philosophy. Leiden, Germany, 2017. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/49257/FullText.pdf?sequence=1>. (accessed: 17.06.2021).
11. Нормативные правовые акты в Российской Федерации / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://pravo.minjust.ru/> (дата обращения: 15.06.2021).
12. Droit national en vigueur // République Française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur> (accessed: 14.04.2021).
13. Justice Laws Website // Government of Canada URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/Search/Search.aspx> (accessed: 14.04.2021).
14. Kanun Keseksaan // Malaysian Anti-Corruption Commission. URL: <https://www.sprm.gov.my/admin/files/sprm/assets/pdf/penguatkuasaan/kanun-keseksaan-bm.pdf> (accessed: 15.06.2021).
15. ОБСЕ. Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. Вена : ОБСЕ, 2014. 238 с.
16. Современный словарь иностранных слов. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 742 с.
17. Collins Canadian Dictionary. 2nd edition / ed. by R. Pontisso, L. Gilmour, R. Groves et al. Toronto : HarperCollins Publishers, 2016. 695 p.
18. Larousse Dictionnaire de Français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/radicaliser/65993> (accessed: 13.04.2021).
19. Kamus Bahasa Melayu. URL: <https://prpm.dbp.gov.my/cari1?keyword=radikalisme> (accessed: 13.04.2021).
20. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет. URL: <https://ncpti.su> (дата обращения: 14.04.2021).
21. Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию: методическое пособие / авторы-составители П.Ю. Горюнов, И.В. Гребенщиков ; Городской центр социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «КОНТАКТ». СПб. : Амирит, 2016. 138 с.
22. National Strategy on Countering Radicalization to Violence // Public Safety Canada. URL: <https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsres/pblctns/ntnl-strtg-cntrng-rdclztn-vlnc/index-en.aspx> (accessed: 19.06.2021).
23. Recognizing Radicalization // Calgary Police Service ReDirect. URL: <http://redirect.cpsevents.ca/recognizing-radicalization/> (accessed: 19.06.2021).
24. Centre for the Prevention of Radicalization Leading to Violence. URL: <https://info-radical.org/en/definition-2/> (accessed: 18.06.2021).
25. Projet de loi n° 4078, modifié par le Sénat, confortant le respect des principes de la République et de lutte contre le séparatisme // Assemblée nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b4078_projet-loi (accessed: 15.06.2021).
26. Hecker M. Once a Jihadist always a Jihadist? A Deradicalization Program seen from the Inside // Focus stratégique. 2021. № 102 bis. 80 p.
27. Stop-jihadisme.gouv.fr. URL: <http://www.stop-djihadisme.gouv.fr/radicalisation/explications-du-phenomene/radicalisation-quest-ce-que-cest> (accessed: 19.06.2021).
28. Hamidi A.Z. Malaysia's policy on counter terrorism and deradicalization strategy // Journal of Public Security and Safety. 2016. Vol. 6, № 2. P. 1–19.
29. Bin Jani M.H. Countering Violent Extremism in Malaysia: Past Experience and Future Prospects // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2017. Vol. 9, № 6. P. 6–10.

Margarita Yu. Bizina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rita_biz@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 153–161.

DOI: 10.17223/1998863X/63/15

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT “RADICALISM” FROM A LEGAL AND SOCIAL PERSPECTIVE IN THE RUSSIAN FEDERATION AND NON-CIS COUNTRIES IN THE NEW DIGITAL REALITY

Keywords: radicalism; radicalization; extremism; youth; digital reality; Russian Federation; Canada; France; Malaysia

The article examines the concept of radicalism from a legal and social point of view, and also compares the strategies of deradicalization in the Russian Federation and non-CIS countries under the circumstances of the digital reality affecting youth’s communication. Based on the method of concept analysis, the author uses a comparative approach to analyze and synthesize definitions of the term “radicalism” in the legal acts of the Russian Federation, Canada, France, and Malaysia, dictionaries of these countries, and manuals of organizations combating radicalization of youth. She establishes the similarity of the descriptions of the term “radicalism” in the dictionaries and its absence in the legal acts of the countries. The derivative term “radicalization” (the process of involvement in radicalism) is present in the legal acts of the countries as an accompanying one when describing terrorist acts or violent extremism, but it neither is described in a separate article nor has its own criminal or administrative penalty. The author reveals the difference in the definitions of the term “radicalization” on the publicly accessible websites of organizations dealing with deradicalization of youth in the above-mentioned countries. In the Russian Federation, the term “radicalization” has the least negative description. In Canada, the emphasis is on the distinction between radicalization as such and radicalization leading to violence. In France, the description of the term “radicalization” initially indicates the use of violence and a direct connection with extremism, while in Malaysia only the possibility of subsequent extremism and terrorism by radicalized citizens is mentioned. The difference in public opinion revealed by this study may lie in the varying experience of resonant clashes with the consequences of youth radicalization. Despite the difference in assessing the degree of the negative impact of radicalism, in all four countries a paradigm shift can be detected in their citizens’ public consciousness. Radicalism, previously viewed on the same level as anarchism, is now located closer to extremism and terrorism on the moral scale. The new digital reality is a contributing factor to such a change. The Internet is evolving faster than the legal framework for its use, and this fact does not go unnoticed by propagandists of violent extremism and terrorism. Governments, civil society organizations, and law enforcement agencies in the four surveyed countries use different approaches to develop a deradicalization strategy on the Internet, and could improve their results by sharing their ideas and experiences.

References

1. Midlarsky, M. (2012) *Origins of Political Extremism Mass Violence in the Twentieth Century and Beyond*. New York: Cambridge University Press.
2. Bötticher, A. (2017) Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 11(4). pp. 73–77.
3. Galkin, A.A. (2014) Fashizm kak obshchestvennyy nedug [Fascism as a social disease]. *Bereginya*. 777. *Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*. 4/23. pp. 11–21.
4. Apolosov, D.I. (2018) Radicalisation as socio-political phenomenon. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*. 3(23). pp. 16–21. (In Russian).
5. Stevens, T. & Neuman, P. (2009) *Countering Online Radicalisation: A Strategy for Action*. London: In-ternational Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence.
6. Karpova, A.Yu. (2019) Mekhanizmy individual'noy radikalizatsii v protsesse samoorganizatsii molodezhi [Mechanisms of individual radicalization in the process of youth self-organization]. In: Ryazantsev, S.V. & Rostovskaya, T.K. (eds) *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and youth policy: new meanings and practices]. Moscow: Ekon-Inform. pp. 69–81.
7. Borum, R. (2011) Radicalization into violent extremism I: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*. 4(4). pp. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1
8. Karpova, A.Yu., Saveliev, A.O., Vilnin, A.D. & Chaykovskiy, D.V. (2020) Izuchenie protsesa onlayn-radikalizatsii molodezhi v sotsial'nykh media (mezhdistsiplinarnyy podkhod) [Studying the process of online radicalization of youth in social media (an interdisciplinary approach)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 159–181.

9. Gradoselskaya, G.V. (2015) Communicative Processes in the Network Environment: the Interdisciplinary Analysis of Politically Active Communities on Facebook. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 26. pp. 44–57. (In Russian).
10. Bötticher, A. (2017) *Radikalismus und Extremismus: Konzeptualisierung und Differenzierung zweier umstrittener Begriffe in der deutschen Diskussion*. Thesis of Doctor of Philosophy. Leiden, Germany. [Online] Available from: <https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/49257/FullText.pdf?sequence=1>. (Accessed: 17th June 2021).
11. Ministry of Justice of the Russian Federation. (n.d.) *Normativnye pravovye akty v Rossiyskoy Federatsii* [Normative legal acts in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://pravo.minjust.ru/> (Accessed: 15th June 2021).
12. France. (n.d.) *Droit national en vigueur*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/con-tenu/menu/droit-national-en-vigueur> (Accessed: 14th April 2021).
13. Government of Canada. (n.d.) *Justice Laws Website*. [Online] Available from: <https://laws-lois.justice.gc.ca/Se-arch/Search.aspx> (Accessed: 14th April 2021).
14. Malaysian Anti-Corruption Commission. (n.d.) *Kanun Kesenakan*. [Online] Available from: <https://www.sprm.gov.my/admin/files/sprm/assets/pdf/penguatkuasaan/kanun-kesenakan-bm.pdf> (Accessed: 15th June 2021).
15. OSCE. (2014) *Preduprezhdenie terrorizma i bor'ba s nasil'stvennym ekstremizmom i radikalizatsiyey, vedushchimi k terrorizmu: podkhod, osnovanny na vzaimodeystvii politicii s naseleniem* [Preventing Terrorism and Combating Violent Extremism and Radiation that Lead to Terrorism: A Community Policing Approach]. Vienna: OSCE.
16. Bulyko, A.N. & Artemieva, E.I. (2001) *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Pontisso, R., Gilmour, L., Groves, R. et al. (eds) *Collins Canadian Dictionary*. 2nd ed. Toronto: HarperCollins Publishers.
18. France. (n.d.) *Larousse Dictionnaire de Français*. [Online] Available from: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/fran-cais/radicaliser/65993> (Accessed: 13th April 2021).
19. Malaysia. (n.d.) *Kamus Bahasa Melayu*. [Online] Available from: <https://prpm.dbp.gov.my/cari1?keyword=radikalisme> (Accessed: 13th April 2021).
20. National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet. [Online] Available from: <https://ncpti.su> (Accessed: 14th April 2021).
21. Goryunov, P.Yu. & Grebenshchikov, I.V. (2016) *Ekstremizm i radikalizm – ot ponyatiy k ponimaniyu* [Extremism and Radicalism – from Concepts to Understanding]. St. Petersburg: Amirit.
22. Public Safety Canada. (n.d.) *National Strategy on Countering Radicalization to Violence*. [Online] Available from: <https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/ntnl-strtg-cntrng-rdclztn-vlnc/index-en.aspx> (Accessed: 19th June 2021).
23. Calgary Police Service ReDirect. (n.d.) *Recognizing Radicalization*. [Online] Available from: <http://redirect.cpse-vents.ca/recognizing-radicalization/> (Accessed: 19th June 2021).
24. Inforadical.org. (n.d.) *Centre for the Prevention of Radicalization Leading to Violence*. [Online] Available from: <https://info-radical.org/en/definition-2/> (Accessed: 18th June 2021).
25. France. Assemblée nationale. (n.d.) *Projet de loi n° 4078, modifié par le Sénat, confortant le respect des principes de la République et de lutte contre le séparatisme*. [Online] Available from: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b4078_projet-loi (Accessed: 15th June 2021).
26. Hecker, M. (2021) Once a Jihadist always a Jihadist? A Deradicalization Program seen from the Inside. *Focus stratégique*. 102 bis.
27. France. (n.d.) *Stop-jihadisme.gouv.fr*. [Online] Available from: <http://www.stop-djihadisme.gouv.fr/radicalisation/explications-du-phenomene/radicalisation-quest-ce-que-cest> (Accessed: 19th June 2021).
28. Hamidi, A.Z. (2016) Malaysia's policy on counter terrorism and deradicalization strategy. *Journal of Public Security and Safety*. 6(2). pp. 1–19.
29. Bin Jani, M.H. (2017) Countering Violent Extremism in Malaysia: Past Experience and Future Prospects. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. 9(6). pp. 6–10.